

ЮРИЙ МИЛОСЛАВСКИЙ (США)

Прозаик, поэт, историк литературы

Родился в Харькове. Последние десятилетия живёт в Нью-Йорке. В 80-е годы стал постоянным автором журнала «Континент». В России издавались романы «Укрепленные города» (1992), «Приглашённая» (2014), сборники прозы «Скажите, девушки, подружке вашей» (1993), «Возлюбленная тень» (2011). Книги рассказов были опубликованы во французском (1990) и английском (1994, 1997, с предисловием И. А. Бродского) переводах, вызвав многочисленные отклики. Во второй половине 90-х годов был продюсером и ведущим православной русской телевизионной программы для США и Канады, выходившей в эфир на протяжении пяти лет. Иподиакон Православной Церкви (в юрисдикции Русской Православной Церкви Заграницей).

ЮЖНО-РУССКИЙ ВАЛЬС

Бог тебя наказал до последних, засечных камней,
Не щадя куполов, что ворованным трачены золотом.
Первозванный Рыбарь не побрезговал банькой твоей,
Но тебя — не отмыть ни огнём, ни водою, ни адом.

Всех простят и утешат. Отпустят им вечного сна.
Тем, что Мёртвое море втянуло отравленным илом, —
Всем отмоленным быть. А тебе — не подняться со дна,
Не уснуть, не проснуться, не встать никогда из могилы,

И не быть похоронену. Это ль не грёбаный стыд?
Никого не нашлось твоему воспротивиться тлену.
Только гетман Ивашка на «мерине» чёрном летит —
По дороге обугленной мчится в родную геенну.

Даже он тебя предал. И ты остаёшься — один.
Словно снайпер безглазый прицелом ведёшь по карнизу.
И на тело твоё из оконца мы молча глядим,
Где английскою краскою тронуло ночь из-под низа,
Где каштаны по-русски лопочут, а злой пулемёт
По-хазарски хрипит, издыхая у дальних заборов.

Где в поруганном граде любезная сердцу живёт
И спасает бродячих собак от твоих живодёров.

ИЗ СОНЕТОВ

НА ХАМСИН

О, грады, гдѣ торги...
Михайло Ломоносов

Так солон прах во Иерусалиме,
Так золотой хребет его щербат,
Что ни шербет в зелёном каолине,
Ни кофе тяжкий — нас не отрезвят,
Но жажду подчеркнут неуголиней.
Вот — погасает слюдяной закат:
Не видят гор ни кади, ни аббат,
Ни фарисей в молебной пелерине.

Коснись камней — и высохнет рука.
Глава дурная — ком известняка
С гашишной цигаркою в провале
Пустого рта: «А ну-ка, покатысь
По Городу, где верх — под самый низ,
Где жизнь и смерть мы равно потеряли».

НА СМЕРТЬ И. А. БРОДСКОГО:

New York underground transportation authority

Скажи мне, кто ты есть, неладный мой сосед:
Бакинский сутенёр? Пекинский побродяга?
Ростовский каннибал? — Ты спишь, ответа нет,
И застит лик тебе газетная бумага.
Усталость — нам от Господа Живаго
Блаженный дар: — кто сатанинский свет
В очах смирит? — кто голову пригнёт
Жестоковыйному? И ты устал — во благо.

Взгляни: вот эфиоп играет на ведре,
а пьяный папуас в обильном серебре
и рваном бархате — ему внимает с плачем.

Вот где б тебе, Поэт, проехаться хоть раз.
Но ты в иную даль, в иной подспудный лаз, —
чистилицным огнём, скользишь, полуохвачен.

БАЛЛАДА О БЕГЛЦЕ

Раисе Андреевне Беляевой

*— Вам кого, вам чего?! — она мне говорит.
На руках уж ребёнка держала.
— Мне сказали, что ты был в побеге убит:
Свое счастье с другим я связала.*

(Из блатного романа)

Беглец:

— Я в побеге — убит, но по благу воскрес,
Ледяного отведав металла.
Лишь под левым соском, где наколот мой крест,
Прободенная ранка мерцала.

Там, на дальней горе, где у замкнутых врат,
Неопознан в кромешной метели,
За стеной потаённой — кладбищенский сад,
Где мы рядом с тобою сидели, —

Совсекретный объект, где сирени в цвету.
Там на вышках незримых, бессонно —
Сколько лет?! — часовые стоят на посту.
Это наша запретная зона.

Я оттуда бежал, как бегут из тайги,
Обманув неусыпную стражу.
Слава Богу, мертвы и друзья, и враги;
Ни единого слова не скажут.

Прокурор не поймёт, не прознают менты,
Где меня отыскать, и как прежде
Мои руки крепки, только б верила ты
Этой Вере, Любви и Надежде.

Воровайка, хранимая блядской судьбой,
Изнутри озарённая странно,
Ты в те дни и в те ночи являла собой
Нечто вроде стекла из Мурано:

Многоценного нарда прозрачный флакон,
Осенённый лазоревым чадом,
То он мёдом немел, то вскипал молоком,
Золотым сургучом опечатан.

Хоть изменой твоей — до кости я сожжён,
Не сужу, кто из нас виноватей.
Злую память унял я десантным ножом
С именной наборной рукоятью.

От погони — удрал и от смерти — рванул,
От неволи, от лесоповала.
Но с печальной усмешкой следил караул,
Как меня ты в уста целовала.

Я в побеге убит, но вернулся — живой,
А подельники сплошь перебиты.
И за нами, смеясь, наблюдает конвой,
Опершись о могильные плиты.

К ФОТОГРАФИИ ЖЕНЫ АВТОРА, СДЕЛАННОЙ В МОНРЕАЛЕ НА РОЖДЕСТВО 200... ГОДА

Снился мне садъ въ подвѣнечномъ уборѣ

Здесь под елью канадской не тает Снегурка,
Но стоит, не подъявля фаты.
Происходит, как видно, от пленного турка,
Что напился Крещенской воды

В полыньях Вифлеема, во льдах Иордана,
Где Христа не настигнет спецназ.
Из-под ели канадской прекрасная дама
Невнимательно смотрит на нас.

Как мы долго с тобою, и не врозь и не вместе,
Упреждаем последний удар.
Здесь под елью канадской вручают невесте
Долгожданный Рождественский дар.

Над пустынной Голгофой, захваченной с бою,
Пламенеет Рождественский Марс.

На реках Вавилонских седоком с тобою,
 Повторя старинный романс,
 Запивая вином в потаённом растворе
 Приумноженный свадебный хлеб —
 В Гефсиманском Саду в подвенечном уборе,
 Возле самого входа в Вертеп.

НА ТРЕВОЖНУЮ НОЧЬ В ОТЕЧЕСТВЕ

Стал я спать беспокойно и плохо.
 Снится плеск пересохшей реки,
 Снятся строек заброшенных грохот
 И заводов умерших гудки, —

Запрещённых при Маленкове,
 Чтобы нам не насиловать слух. —
 Нет во снах моих плоти и крови,
 Лишь трусливо мятущийся дух,

Лишь предатель Победы железной,
 Перемётчик небесных Начал,
 Суетится во снах, бестелесный,
 Мародёрствует по мелочам.

Так ли прежде со мною бывало?
 Помолился — и тотчас уснул:
 Хоть во чреве китовом вокзала,
 Хоть почётный неся караул.

Развенчались державные скрепы,
 И во снах моих, — где ни приляг, —
 Детсадов обесчещенных лепет,
 Городов обесточенных лязг.

К ИЗОБРАЖЕНИЮ ЛЮБИМОЙ ПЕВИЦЫ

Откуда ты взялась? Я спрашиваю зря,
 Но тайное понять — не убоюсь потщиться.
 Твой голос — от времён Последнего Царя,

И облик твой — беспутной продавщицы
из промтоварного, что любит наугад
и влажной карамелькою мерцает.

Твой голос — алый шёлк и вместе с тем булат,
Что этот алый шёлк до крови проникает.

НА 9 МАЯ: ЭПИТАФИЯ

*Громъ победы раздавайся,
Веселися, храбрый Россъ!..*

Ещё немного — и мы здесь никого не застанем
В живых. Но тайну сию велику Единый ведает Бог:
Се, Росс, весёлый и храбрый, — вышел на поле брани,
Принял он бой неравный — и победил. Как мог.

Се Росс — и его победы гром, вдали замирая,
Не оскорбляет слуха соседского, ибо сроки прошли.
Се Росс — и его могила, чёрная и сырая.
В её головах — чекушка. В ногах её — костыли.

А на груди у Росса — медали, медали, медали.
А на плечах у Росса — пара солдатских погон,
Или штаб-офицерских? Майора ему не дали:
Он победил, встряхнулся — и тотчас же вышел вон.

Теперь его не догонишь. Да если кто и решится,
Да если вдруг и догонишь — то всё равно не возьмёшь
И не поймёшь его, дерзкий: се — Росс, кавалер и рыцарь.
Стой, где стоишь, злополучный! — Да и решится кто ж

Настичь его, уходяща? Кто возомнит, что достоин
Взойти во смоленское пламя — и выйти на невский лёд?
Се — Росс, врагов победитель, христолюбивый воин
Глядит на тебя, потомок, и в морду твою плюёт.